

## Лев Толстой (Встречи)

Оригинал здесь: [Книжные полки Лукьяна Поворотова](#)

### 1

Мне вспоминается яркий солнечный апрель в Крыму, каменистый берег моря в Олеизе, вечный, неутомимый гул прибоя, а на берегу деревянная дача "Нюра" – вычурной архитектуры, вся белая, веселая, кокетливая.

Темно-синей пеленой колыхалось могучее море, освещенное весенним радостным солнцем, кое-где качались надутые ветром паруса рыбацких лодок; иногда вдали на горизонте медленно проплывал черный грузовой пароход.

Это была весна 1902 года.

На даче "Нюра" жил тогда Горький на рассвете своей славы: вся читательская Россия, жаждавшая обновления и предчувствовавшая близость революции, думала, что у Горького в кармане лежит путь в обетованную страну, текущую млеком и медом, к заветному острову свободы, со всеми угодьями и землями, со всеми благополучиями и воздушно-хрустальными замками.

Все обещало конец тогдашним невзгодам: весеннее небо, весеннее море, теплом веющий южный ветер и весна в сердце.

Шумно и весело было у Горького на "Нюре", наехали гости, приехал Шаляпин.

И когда наконец все они схлынули, из гостей остались только двое: Шаляпин и я, приехавший поправлять здоровье, расстроенное тюрьмой.

Тогда Горький сказал Шаляпину:

– А не сходить ли нам сейчас к Толстому?

Оказалось, что Толстой жил тогда в Гаспре, в десяти минутах ходьбы от "Нюры".

– Пойдем! – согласился Шаляпин.

Я попросил их взять меня с собой. Горький, не раз бывавший у Толстого в Ясной Поляне, стал меня отговаривать.

– Не советую! – сказал он. – Неприятно вам будет! Я вот про себя скажу: ведь какой ни на есть, а все-таки я – писатель, но, когда говоришь с Толстым, черт знает отчего, чувствуешь себя каким-то мальчишкой, ей-богу! Не человек говорит, гора говорит!

Шаляпин заступился за меня. Они посоветовались, поспорили и наконец решили взять меня с собой в путешествие к Человеку-Горé.

Мы отправились к нему прямо по тропинке, через какую-то рощу, перелезали через изгороди, карабкались на гору и наконец, минуя Кореиз, вылезли прямо к сумрачному замку из темного камня, выстроенному в средневековом, рыцарском стиле. Кругом него был большой запущенный парк, широкий зеленый луг с клумбами цветов – и ни души.

### 2

Пока шли, Горький рассказывал, что Толстой оправляется теперь от только что перенесенной им тяжелой болезни – кажется, воспаления легких.

Хвалил Софью Андреевну:

– Это правильно она говорит: если бы не она, так он бы десять раз себе Голгофу устроил! Умная баба. Я ей говорю в прошлый раз: "Вот – его отлучили от церкви, в случае, если помрет, без попов хоронить придется!" Так она даже кулаком по столу пристукнула, говорит: "Вот увидите, митрополит хоронить будет! Митрополит!"

– Да, с большим характером женщина!

Увы! Через восемь лет после этих слов Толстой устроил-таки себе Голгофу, и не "спасла" его Софья Андреевна, и не хоронил митрополит.

Алексей Максимович рассказывал содержание повести "О. Сергей", только что написанной тогда, которую Толстой читал ему по рукописи. Говорил о том, какой удивительный рассказчик Толстой в живой беседе.

– Он как-то лепит руками из воздуха, как скульптор, и вот видишь перед собой все эти лица и фигуры, как живые! Лепит, лепит, создает все из воздуха, вызывает к жизни из ничего, а потом дунет – и все исчезло! Колдун! В прошлый раз как-то рассказал мне содержание одной новой повести какого-то молодого, неизвестного автора, напечатанной в одном плохоньком журнальчике: ведь он все читает, ничего не упустит! Ну, братец ты мой, так рассказал, что у меня глаза на лоб вылезли. "Батюшки, – думаю, – новый талантище появился, а я и прозевал!"